

6. Suomen kansan sananparsikirja. Toimittaneet: R.E. Nirvi ja Lauri Hakulinen. Kolmas painos. Juva: WSOY, 1992.
7. Venäjä-Suomi suurisanakirja. Toimittaneet: M. Kuusinen, V. Ollikainen. Porvoo: WSOY, 1990.

Понятие о концепте: взгляд лингвокультуролога

*С.А. Кошарная
БелГУ
Россия, Белгород*

«Полисемия» терминологической трактовки концепта обозначилась уже в первой специальной работе, положившей начало «концептуальному» направлению в современной языковой науке, - статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1928 г.). Эта неоднозначность и ныне присутствует в работах исследователей, что, по-видимому, обусловлено сложностью самого феномена.

Общее мнение сводится к тому, что концепт рассматривается как единица языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, С.Е. Никитина, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.).

Не вызывает сомнения, что концепты описывают *ментальную* действительность. Дело обстоит так, что любой из феноменов окружающего мира сначала воспринимается органами чувств, затем логически осмысливается, устанавливаются логические связи данного объекта с другими, происходит его категоризация, то есть отнесение к определенному классу объектов.

Соответственно, существенной составляющей частью концепта являются представления (зрительные, слуховые, тактильные и т.д.) — образы предметов, сцен, событий, возникающие на основе их припоминания или же продуктивного воображения, однако, исходя из того, что представление есть чувственно-наглядные образы, они носят индивидуальный характер и не всегда поддаются рефлексии. В то же время, являясь формой индивидуального чувственного отражения, представление не связано с аналитико-синтетической обработкой информации и, соответственно, не имеет плана выражения.

В результате аналитико-синтетической обработки представлений (выделение наиболее существенных свойств объекта, отличающих его от прочих) воз-

никают понятия (традиционно понятие трактуется как тот минимум общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета). Таким образом, представление связано со знаком только посредством понятия, которое предполагает знаковую репрезентацию результатов мыслительной деятельности (языковой знак).

Эволюция понятий приводит к тому, что они вызревают до уровня концептов, а слова, обозначающие концепты, приобретают дополнительные параметры и глубину.

В контексте наших рассуждений следует заметить, что понятие квалифицируется в научной литературе неоднозначно — как идиозмическое образование и как надязыковая универсалия. В частности, А.Я. Гуревич (Гуревич, 1972: 30) относит к универсальным такие понятия, как *время, пространство, судьба, число* и др., полагая, что на основании этих универсальных понятий люди в каждой культуре строят образ мира, существующий в их сознании. На поверку же и так называемые универсальные понятия столько же интернациональны, сколь и национальны (заметим, что некоторые исследователи, например К.Ю. Диброва (Диброва, 1991: 65), настаивают на национальном характере понятий, отрицая их интернациональность), поскольку они опосредованы конкретно-языковой системой значений.

Понятия действительно могут различаться своим объемом, ассоциативным рядом, валентностью, структурной организацией. В силу этого можно говорить лишь об относительной универсальности понятий, которые напрямую связаны с концептами как элементами национально-культурного информационного пространства.

В то же время концепт, в отличие от понятия, энциклопедичен. Именно «энциклопедии всегда имеют дело с концептами, а *общие* словари обычно ограничиваются понятиями» (Соломоник, 1995: 294). Энциклопедичность концепта проявляется в том, что он с необходимостью включает в свою структуру комплекс представлений, чем обеспечивается его образность. Не вызывает сомнения, что, если в нашем сознании нет комплекса представлений об объекте, воспринятое нами понятие о нем будет достаточно приблизительно, лишено конкретного содержания.

Исходя из этого, вербализованный концепт с необходимостью вбирает комплекс представлений и характерных признаков номинируемого объекта (понятие), а сама номинация предстает как «свернутое» в слово повествование, текст.

Следовательно, концепт — явление более высокого уровня по сравнению с понятием, исходя из чего понятия и представления не есть концепты,

но являются структурными элементами, составляющими концептов. В то же время, памятуя об индивидуально-личностном характере представлений, можно предположить, что не всякое представление является строевым элементом концепта. Концепт вбирает в себя лишь некоторый инвариантный комплекс представлений, общий для носителей одной культуры, соотносимый с коллективным знанием этноса, то есть «совокупным знанием-переживанием, формирующимся и функционирующим в определенной лингвокультурной общности» (Залевская, 1999: 33), - из этого комплекса исключаются сугубо индивидуальные, личностно обусловленные представления.

Такой инвариантный комплекс представлений мы называем *синэйдос* (от греч. *syn* — «вместе» и *eidōs* — «вид, образ»). Вследствие существования этой инвариантной структуры возникают понятия, общность которых (в пределах лингвокультурного сообщества) обеспечивает успешность коммуникации: «каждый понимает слово по-своему, но внешняя форма слова проникнута объективной мыслью, независимой от понимания отдельных лиц» (Потебня, 1993: 69).

Исходя из этого, концепт предстает как сложное ментальное образование, вбирающее в себя устойчивые этнокультурные представления (*образное основание*), понятие (*понятийное основание*) и идеальную семиотическую составляющую. Формирование концепта предполагает «сгущение образов» (по выражению А.А. Потебни), исходных представлений, в синэйдетический инвариант, а затем — в законченное понятие об объекте с последующей «концентрацией» представления и понятия в материальном носителе — знаке, например — в слове (*семиотизация* концепта, частным и в то же время основным способом осуществления которой является вербализация, — необходимое условие его существования). Только при устойчивости этой взаимосвязи на уровне коллективного сознания (или знания) и относительной независимости от индивидуальных «включений» данная триада («знаковый образ» + «понятие» + «синэйдос») может быть признана концептуальной.

В то же время проекция концепта в языковой уровень сознания не является единственно возможной: концепт предполагает разнообразие форм объективации знаний, то есть характеризуется *семиотической* вариативностью. Между тем языковой знак (слово, фраза) оказывается основной конвенциональной (условной) репрезентацией концепта. Слово выступает в качестве своеобразного стимула: в сознании человека оно «открывает файл», содержание которого заключено в понятии, а понятие вызывает «воспоминание» о представлениях, актуализирует некоторое ментальное изображение (образ). Исходя из этого, при всех прочих возможных репрезентациях концепта (фигура, рисунок) основным его воплощением является слово.

Функциональная направленность концепта как носителя культурной информации обусловлена его *образностью*. Поскольку традиционно под образностью понимается способность языковых единиц (вербализаций концептов) создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях, то возможно существование концептов с ослабленной образностью. При этом собственно безобразность единицы видится в отсутствии у нее наглядно-чувственной основы (Лебедева, 2002: 143) (таковы, например, абстрактные понятия: *правда, добро* и т.п.). Однако образное основание, помимо прочего, может включать различные ассоциации с конкретными предметами, ситуациями, лицами — «эталонными» носителями данных свойств (Шенделева, 1999: 76), а потому ослабленная образность не тождественна ее отсутствию. Исходя из того, что образ строится в предметной деятельности, зависит от предшествующего опыта, концепты с ослабленной образностью с необходимостью включают все то, что аккумулируется в культурном контексте (*дух, вера, слава* и т.п.).

В области культурной коннотации также лежит ответ на вопрос, почему концепт вступает в отношения с одними концептуальными образованиями (в результате чего могут образовываться комбинации концептов и *суперконцепты*) и не вступает с другими. Данное свойство мы называем *концептуальной валентностью*, которая может быть потенциальной или реализованной.

Не вызывает сомнения, что особенности концептуальной валентности носят этнокультурный характер. Так, концепт, обозначаемый существительным *любовь*, понятийное содержание которого составляет чувство, соотносимое с «верхней» областью бытия, в русском менталитете не сочетался с концептом «Конкретное действие». Это отмечают В.В. Колесов, Л.В. Савельева и другие исследователи. Несмотря на то, что в народном этносе, в частности в былинах и так называемых «заветных» сказках, возможно употребление слова *любовь* в конкретно-физиологическом значении (*Сделаем, Добрынюшка, со мной любовью*), общенародный язык не дает оснований для такого «прочтения» концепта. Так, устойчивую оппозицию к слову *любовь* образует существительное *ненависть*, при этом данная оппозиция выявляет, что *любовь* в русском образе мира концептуализируется как светлое чувство, в противовес *ненависти* — темному (См: Апресян, 1995). Кроме того, в народном языке дублетным образованием к глаголу *любить* является глагол *жалеть* (родств. *жалить* - перенос на основании сходства ощущений), что выявляет семантический параллелизм *любовь* — *жалость*, где последнее также несоотносимо с конкретным действием. «К основным константным содержательным признакам концепта *любовь*, обеспечивающим его единство и историческую устойчивость, можно отнести: благо, ценность, интимность, семья, страсть, красота, смерть»

(Маркина, 2001: 73). Изменение валентности, связанное с появлением семантической кальки американизма *to make love to*, приводит к подмене одного концепта (концепт чувства) другим (концепт действия). Понятие — ядро идиокультурного концепта — не выдерживает «массированной бомбардировки» чужеродными атомами-представлениями, и концепт реструктурируется.

Следовательно, изменение концептуальной валентности приводит к метаморфозе концептуального понятия, что влечет изменение значения слова-стимула, «поскольку проявлением сдвига в семантике слова является изменение контекста, в котором это слово употребляется. При этом в качестве контекста рассматривается <...> лексическое окружение слова» (Рахимбердиев, 2001: 422-423).

Таким образом, взаимосвязь между концептуальной и лексической валентностью очевидна. «Значение предполагает зависимость концептов, такую, что один концепт <...> актуализирует в сознании другой концепт, информационно более важный» (Никитин, 1979: 92). Последнее замечание относительно непреложности большей информационной значимости ассоциируемого концепта представляется достаточно спорным, но наличие соответствий в области концептуальной и лексической валентностей не вызывает сомнений. Из этого следует, что концептуальная валентность должна рассматриваться во взаимосвязи с компонентной моделью значения.

Несмотря на то, что слово представляет концепт не полностью, «вербализация концептов языковыми средствами — наиболее доступный для наблюдателя, исследователя путь к содержанию концепта» (Попова, Стернин, 2001: 22). Можно сказать, что языковые единицы ассоциированы с вербализуемыми ими концептами. Тем не менее, заложенная в концептах информация может быть более или менее значимой, что проецируется на степень их разработанности, которая определяется количеством и структурными особенностями репрезентаций концепта. В частности, ключевым показателем разработанности концепта является степень словарной разработанности «имени» концепта. Например, словообразовательное гнездо слова БОГ, согласно «Словарю древнерусского языка XI-XIV веков», включает 16 словарных статей, а корень *бог-* входит в состав 226 сложных слов, что свидетельствует как о ключевом характере лингвокультуры (в терминологии В.В. Воробьева) *Бог*, так и о разработанности соответствующего концепта.

Иерархические связи, в которые вступают слова, отражают иерархию объективируемых концептов. При этом родственные слова, называющие генетически близкие и связанные между собой концепты, включены в иерархии, разворачивающиеся от конкретного к абстрактному.

Таким образом, можно утверждать, что концепт есть атомарная модель отдельного фрагмента национально-культурной ментальной картины мира.

объективируемая по преимуществу языком. Мы говорим здесь о моделировании (причем коллективном моделировании), поскольку, отражая сущее, человек привносит в действительный образ мира элементы субъективной трактовки, своего понимания, степень адекватности которого по отношению к реальному положению дел варьируется в зависимости от культурных установок, стереотипов и т.п.

Таким образом, в концепте в свернутом виде существует смысловая информация, которая может быть развернута посредством вербальной репрезентации. При этом такое «развертывание» происходит одновременно на этапе порождения и восприятия слова в речи. Концепт как бы управляет эмоционально-психическими реакциями, связанными с ассоциативными процессами, в результате чего актуализация посредством слова понятия влечет за собой актуализацию представлений, общих для участников коммуникативного акта. Конгруэнтность перцепции и апперцепции адресанта и адресата детерминирует относительную *контекстуальную независимость* концепта.

Помимо этого, отличительными характеристиками концепта являются: *интегративность* — способность обеспечивать «компрессию» смысла за счет имманентного включения комплекса потенциально возможных ситуаций, сценариев, фреймов и т.д.; *динамичность* — способность развиваться, варьироваться в соответствии с изменениями картины мира в целом (безусловно, такие изменения по большей части носят эволюционный, а не революционный характер, то есть протекают достаточно медленно).

Неуниверсальность синзидоса и обусловленная национальным языком специфика именования обеспечивают неуниверсальность, *идиоматический характер*, релятивизм концептов в целом.

Являясь элементами системного характера, концепты включаются в когнитивный контекст, представляющий собой ассоциативный набор обязательных и факультативных компонентов и обеспечивающий понимание соответствующих слов (Алефиренко, 2002: 53; Болдырев, 2001: 60). В результате значения слов как вербализованных концептов оказываются «упакованы в форме фреймов» (В.Н. Телия).

Вербализованный концепт включает целые ряды фреймов, в то время как фреймы представляют собой структуры частного порядка. Полагаем, что фреймы на уровне вербальной объективации соотносимы с «семантическим звеном» (термин М.И. Приваловой) — предикатным (термин Н.Д. Арутюновой), то есть по своей сути — признаковым, словом или минимальным словосочетанием, дающим возможность понять значение слова. При этом не всякое предикатное слово или словосочетание будет достаточным семантическим звеном для понимания (хотя бы самого общего) значения слова,

но в совокупности они будут представлять слово как репрезентант концепта (безусловно, полнота концептуализированного знания зависит от того, насколько познан референт).

Научная обработка слов-концептов предполагает их разграничение и установление связей между ними. Как следствие, можно говорить о различного типа объединениях концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), образующих в конечном счете отдельные *концептуальные поля*, объединение которых образует *концептосферу*.

Репрезентантами концептуальных полей в языковой картине мира являются семантические поля, а также лексико-тематические группы. Полагают, что ядро семантического поля образуют элементы, характеризующиеся меньшим количеством дифференциальных признаков, в то время как периферию составляют элементы с большим числом таких признаков (Конечкая, 1998: 24). Соответственно, в центре концептуального поля находится концепт с наибольшим количеством потенциальных валентностей, вербализуемый посредством слов, обладающих наименьшим количеством дифференциальных признаков и выступающих в качестве гиперонима по отношению к той или иной группе лексем (*дерево, человек* и подоб.).

При этом имя полеобразующего концепта и наименование концептуального поля будут совпадать. К примеру, концепт «Человек» является базовым элементом, центром одноименного концептуального поля. Внутри концептуальных полей возможно выделение полевых структур низшего порядка - подполей.

Несмотря на то, что концептуальные и семантические поля оказываются связанными единством языковой картины мира, которая существует в сознании человека в виде взаимосвязанных семантических (См.: Караулов, 1972: 57 и далее, а также работу обобщающего характера: Караулов, 1976) и концептуальных полей, они отличаются друг от друга. Семантическое поле определяется как ряд слов или их отдельных значений, имеющих в своем составе общий семантический признак и различающихся, по крайней мере, по одному дифференциальному признаку (например, в поле «термины родства» общим признаком является «родство», а дифференциальными - «пол», «поколение», «степень родства») (ЛЭС, 1999: 233-234). Таким образом, семантическое поле, в отличие от концептуального, - это чисто языковое образование, объединяющее ряды близких по значению и по понятийной соотнесенности слов и репрезентирующее наличие системной организации лексического фонда языка. В то же время концептуальное поле содержательно представляет собой ментально и семиотически разработанную область этнокультурного «пространства», объединяющую концепты не только как факты языка, но и культуры.

Поскольку концептуальные поля не существуют изолированно, вступая между собой в сложные, разнонаправленные отношения, однозначное отношение того или иного концепта к конкретному концептуальному полю зачастую оказывается затруднительным (возможны переходы концептов из одного поля в другое и взаимопроникновение полей) и представляет собой сугубо исследовательский прием в силу естественного взаимодействия полей. В этой связи мы можем говорить не только о концептуальных полях, но и о более крупных их объединениях — *концептуальных комплексах*, образующих в конечном счете концептосферу этноса.

В ходе описания языковой картины мира с точки зрения отражения в ней процессов концептуализации действительности встает вопрос о возможности или невозможности создания закрытого перечня концептов для той или иной лингвокультурной общности. Так, по мнению Ю.С. Степанова, в общечеловеческой культуре насчитывается не более 50 концептов [1997]. На наш взгляд, убедительным представляется мнение З.И. Кирнозе (Кирнозе, 2001: 81), согласно которому определение точного круга национальных концептов — задача окончательно неразрешимая, однако это не снимает необходимости изучения самих концептов и поиска методов, на основании которых возможно выявление основных, базовых, элементов национальной картины мира.

В целом вербализации концептов представляют совокупный национальный тезаурус (по меньшей мере — исконный словарь нации), включая ключевые слова культуры, то есть слова, особенно важные для данной конкретной культуры. Перспективность использования ключевых слов в качестве средства изучения культуры не вызывает сомнения. Однако «анализ ключевых слов культуры не обязательно должен вестись в духе старомодного атомизма. Напротив того, некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» (Вежицкая, 2001: 37). Исследуя эти «центральные точки» и сопряженные с ними единицы ментально-языкового уровня, мы получаем возможность «продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей» (Вежицкая, 1999: 284).

Один из возможных путей выявления таких «центральных точек» посредством анализа словаря, по нашему мнению, зиждется на принципе «значимости вербализации отрицания». Поскольку «отрицание является способом познания вытесненного» (Фрейд, 1997: 443), употребление «символа отрицания» (в естественном языке в качестве таких символов выступают соответствующие морфемы) есть показатель значимости *отрицаемого* для субъекта (в нашем случае — этноязыкового субъекта).

В результате проведенного нами тематического анализа слов с префиксами отрицания обозначился ряд следующих концептов: «Бог», «Дело», «Семья», «Человек» и т.д. Заметим, что корпус выявленных нами концептов во многом совпал с концептами, выделяемыми другими авторами в рамках синхронной картины мира (Степанов, 1997; Булыгина, Шмелев, 1997 и др.), а также большей частью соответствует — на уровне вербализаций — корпусу бытийных имен, выявленных М.Н. Заметалиной (Заметалина, 2002) для древнерусского и русского языка старшего периода, что свидетельствует об исторической устойчивости, а следовательно, концептуальном значении данных слов. В образовавшийся список вошли почти все существительные, характеризующиеся, согласно словарю Л.Н. Засориной (1977), высокой частотностью: *год, дело, время, человек, люди, рука, жизнь, день*.

Безусловно, данный список не вбирает в себя полный свод национальных концептов (по-видимому, такая задача столь же невыполнима, как и создание национального тезауруса), но он намечает основные участки концептуализации.

Предлагаемая нами трактовка концепта как лингвокультурного феномена детерминирует методику его анализа, которую можно назвать трансформационной: от слова — к понятию, от понятия — к системе этнокультурных представлений, далее — посредством совокупного анализа данного комплекса — к концепту.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002 (а). 394 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, №1. С.37-67.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 123 с.
4. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянской культуры, 1999. 780 с.
5. Вежицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001 (а). - 288 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. - 317 с.
7. Диброва К.Ю. О языковой относительности в лингвистике // Филолог. науки, 1991, №2, С.61-69.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

9. Заметалина М.Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка (диахрония и синхрония). Автореф. дисс.... докт. филол. наук. Волгоград, 2002. 44 с.
10. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Фил. науки, 1972, №1. С.57-68.
11. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
12. Кирнозе З.И. О национальной концептосфере // Филология и культура. Материалы III Международной научной конференции. В 3-х ч. Ч. 2. - Тамбов, 2001. С.80-82.
13. Конечная В.П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // ВЯ, 1998, №2. С.22-37.
14. Лебедева Л.А. Устойчивые образы в национальной метафорической картине мира // Фразеология и миропонимание народа: Материалы Международной научной конференции. В 2-х ч. Ч.1. Фразеологическая картина мира. Тула: Изд-во ТулГПУ, 2002. С.142-147.
15. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
16. Маркина Е.А. О концептуальных признаках эмоциональных структур (на примере концепта любви) // Филология и культура. Материалы III Международной научной конференции. В 3-х ч. Ч.2. Тамбов, 2001. С.72-73.
17. Никитин М.В. О семантике метафоры // ВЯ, 1979. - №1. С.91-102.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингво-когнитивного анализа // Филология и культура. Материалы III Международной научной конференции. В 3-х ч. Ч.2. Тамбов, 2001. С.19-22.
19. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
20. Рахимбердиев Б.Н. Применение статистических методов в исторической лексикографии // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.). М.: Изд-во МГУ, 2001. - С.422-423.
21. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. - М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
23. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Шк. «Мастера русской культуры», 1997. 574 с.
24. Фрейд З. Сон и сновидения. М.: Олимп, 1997. 544 с.
25. Шенделева Е.А. Полевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С.74-79.